
Я. Поляковъ

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ

ПОЭМЫ

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАЗАЧЬЯ СЕМЬЯ

ПРАГА 1939

Tiskem »Zádruha«, akc. spol., Praha - Vinohrady, Bělehradská

ДЯДЯ ЯНОШ.

Эх ты, молодость, свечечка тонкая,
Вольной волюшке жертва моя,
Догораешь, искряся и радуя,
И поешь про родные края . . .
И пройдешь ты, пройдешь незамечена
И потухнешь падучей звездой,
И минутные малые радости
Расплывутся, что круг водяной . . .
Все утихнет, умолкнет, уляжется . . .
И кадила синеющий дым
Под священника тихое пение
Заклубится над гробом моим . . .
Аль забудется имя казачее?
Аль затопчат могилу мою? . .

. . . .

. . . Э, да что там. А ну-ка я песенку
Про донца да мадьяра спою . . .
Рассказал мне станичник историю,
Как он звался – забыл, на беду . . .
Разрешите-же, братцы-казаченки,
От себя я рассказ поведу . . .

I.

Я в селе мадьярском прожил год без малу, —
Там в широкой Тиссе сетками рыбачил,
А со мною рядом переметы ставил
На сомов, в долблёнке, старый Янош-бачи.
Мы, поставив сети, речкою уснувшей
Ворочались вместе ночевать в шалаш,
Лодки привязавши раздували угли, —
К ужину варили огневóй гулаш . . .
И бывало долго на пахучем сене,
Раскуривши трубки, молча пролежим,

Поглядим сонливо, как при лунном свете,
Исчезая, тает меж ветвями дым.
У меня на сердце под бронёй надежды
Вечно дум тяжелых бился лютый шквал,
Почему-же Янош, набивая трубку,
Как и я, угрюмо, целый день молчал?..
— Что ты, дядя Янош, хмуришься, невесел?
Расскажи о прошлом, ведь и ты степняк...
Янош глянет молча, поведет бровями
И в карман полезет доставать табак,
И затяжкой долгой комаров прогнавши,
Обмахнет прилипший к сапогам песок:
— Что болтать без толку, завтра рано утром
Встану конопатить и смолить челнок.
Крякнет, выбьет пепел, повернется в угол,
Покрываясь плотно зипуном своим —
Зябнут летом ноги; да и то — не шутка, —
Пережить на свете девяносто зим...

II.

Как-то раз, копаясь в сумах и подсумках,
Выждав тихий, жаркий, полудённый час,
На кустах терновых я шинель развесил,
Шаровар широких заалел лампас...
Котелок приладив и дровец собравши,
Под вербой тенистой бредень сел латать.
Слышу: стук и топот и тяжелый кашель —
Янош воротился — время полдневать...
Глянул, — что за диво... — Что с тобою, Янош? —
Бледный, весь трясется, жжет огонь из глаз.
Проследил за взором — как завороженный
Смотрит Янош старый на донской лампас...
И, склонясь внезапно, он веслом тяжелым
Замахнул с проклятьем мне над головой, —
Я успел пригнуться и весло схвативши

Бросил его в воду за камыш густой...
— Что-ты, Янош-бачи? Аль мы не сдружились?
Что с тобою, старый?.. Экий грех-то, брат...
Что тебе я сделал словом иль поступком,
Иль какую шутку ляпнул невпопад?..
Он качнулся, охнул, на траву свалился
И лицо покрывши, тяжко зарыдал.
Я-же, удивленный злобой непонятной,
Опустивши руки перед ним стоял...
Долго плакал Янош... Старческие слезы
Медленно катились на его армяк;
Быстро вынув трубку, закурил и тихо
(Я едва услышал) прошептал: — Казак?..
— Да, казак... Так что-же... Об'ясни в чем дело,
Что с тобою сталось?.. Расскажи, не скрой...
Крекпо затянулся...
— Ты слыхал, наверно,
Здесь восстанье было — год сорок восьмой?..

III.

Поднялися венгры. Стали за свободу,
Захотели сбросить гнет австрийских пут
И под песни воли, под свои знамена,
В бой за нашу Правду нас позвал Кошут...
Воля... Песни... Битвы... Молодость... Удачи...
Сабли, трубы, кони... Меткий пистолет...
Ах, как мы рубились... Как мы песни пели...
Как я в правду верил в восемнадцать лет...
Я ушел с Кошутом...
Вслед за мной глядели
Пара темно-карих девичьих очей:
Сердце мое жило славою мадьярской,
Для Илонки сердце билося моей...
Я свою Илонку полюбил сызмала
И любовь меж нами были и совет...

Ах, как дни летели... Как часы бежали...
Как недолги ночи в восемнадцать лет...

. . . .

. . . .

И когда пред нашей конницей лихою
Дрогнули австрийцев страшные полки, —
Вы с Карпат спустились тучей грозовою
И спасли австрийцев вы-же, казаки...
Иштэнэм... Мы дрались... Мы умели биться,
Но Господь великий позабыл про нас
И у наших храмов, и по нашей степи,
Заалел победно ваш донской лампас...
И когда знамёна мы свои склонили —
Как я смерти жаждал. Как я тосковал...
А домой вернувшись, стал искать Илонку,
Но... Илонки больше я не увидал...

. . . .

Та, что счастьем стала для меня бескрайным,
Что звездой горела нá сердце моем,
Та меня забыла... на врага сменяла...
И... ушла... с каким-то вашим казаком...
Только Бог единый видел мое горе,
Но одел я цепи раненой душе
И, уйдя на Тиссу, я шалаш построил,
И с тех пор рыбачу в этом шалаше...

. . . .

И тогда поклявшись за народ мадьярский,
За мое несчастье казакам отмстить, —
Я лампас увидел, вспомнил все обиды
И в мозгу мелькнуло молнией — убить...
Ты-ж оборонился... И, не зная злобы,
Добрым словом Бога в сердце пробудил.
Ты меня простишь-ли?..
— Что ты, Янош-бачи,
Да, конечно... Полно, я давно простил!
— Тяжко, ах, как тяжко... Схоронив идею,
Имени любимой в сердце выжечь след,

Потушив желанья плакать и томиться
Вóлком одиноким девяносто лет...

IV.

— Слушай, Янош, слушай. Ты меня не знаешь...
Ах, давно Илонка умерлá твоя...
Погляди мне в очи... может угадаешь?..
Ведь твоя Илонка – бабушка моя...
Вздрогнул Янош:
— Боже...
Задрожали губы,
Слезы навернулись снова на глаза...
Я не мог сдержаться, и моя казачья
Нá земь покатилась тяжкая слеза...
И, обнявшись, молча долго мы сидели, –
Каждый свое горе вновь переживал...
Я — свое изгнанье и казачью долю,
Янош что-то тихо про себя шептал...

На другое утро, до зари поднявшись,
Перемет и сети я один снимал.
Янош, улыбаясь тихо и счастливо,
В шалаше, на сене, беспробудно спал...
В закорузлых пальцах трубка догорела...
Я не плачу... Тихо Requiem пою...
Янош-бачи – счастлив...
Он — Кошута встретит...
И свою Илонку — бабушку мою...
. . . .

Янош, Янош старый, ты увидишь Бога —
Расскажи, что в мире слишком много зла,
Что травой покрылась наша шлях-дорога,
Что в степях широких песня умерла...

Что на ре́ках чуждых казаки рыбалят
И о Правде Вечной, веруя, поют...
Расскажи ты Богу... Мы хотим немного —
Свой Порог и Угол...
Свой Степной Присуд...

. . . .

Кончил песню... Будет... Умер дядя Янош...
В сердце тихо плачет похоронный звон...

. . . .

Эх, запеть-бы песню. Да в родной станице...
И поставить сети в тихоструйный Дон...

АЗОВ.

Страшён, неприступен гяурам Азов;
Пять тысяч стоит по степи казаков, —
Азов казаки осадили.
Сейчас и пируют и песни поют
С зарею на приступ, на стены пойдут, —
Вчера, слышно, вылазки были.
Заря наступает . . . густеет туман . . .
Никто уже в стане казачьем не пьян, —
Пред битвою молятся Богу.
И двинулось тихо все Войско на вал . . .
Да поздно его часовой увидал,
И турки забили тревогу . . .
— „Вперед, Атаманы . . . вперед молодцы.
Узнают же турки, что значит Донцы,
Вперед же, ребята, смелее . . . “

И мечутся турки . . . „Алла-илль-Алла“
Ура загремело, и . . . наша взала:
— „Гей, братцы, на пушки живее . . . “
Дымится в развалинах грозный Азов,
Где туркам стоять супротив казаков,
Валы казаки насыпают . . .
Работа кипит . . . вал высокий растет.
Турецкое войско из Крыма идет . . .
Все ближе оно подступает . . .

Кровавая битва в Азове кипит,
И двадцать четвертый был приступ отбит,
А сдаться Донцы не желают . . .
Полчетверти тыщи осталось живых
И поняли Турки — не выкурить их —
Османы осаду снимают.
Собрались остатки на Круг Войсковой
Решили снестися с крещеной Москвой,

Гонца на Москву снарядили:
— „Скачи ты, явись перед русским царем:
Донцы, де мол, бьют тебе низко челом,
Азов, мол, тебе мы отбили . . .
И турок побили несметную рать, —
Боимся, удастся ли дольше стоять:
Осталось нас больно немного.
Скажи что Донцы-то в Азове — одни,
Царю ты при случае там намекни,
Авось он пришлет нам подмогу.“

Вернулся гонец, Атаману сказал:
— „Царь Земский собор свой поспешно собрал
И речи пойдут об Азове.
И что этот Земский собор порешит —
О том незамедля нас царь известит,
А быть нам Донцам наготове.“

Московский в Азов приезжает гонец,
На стол Атаману он ставит ларец,
Без малого веса в полпуда.
— „В Неметчине бьется Московская рать,
Царь войска на помощь не может прислать
И грамоту шлет вам покуда . . . “

И грамоту вынул дрожащей рукой
И писарь читать ее стал Войсковой —
И долго, до ночи, читали.
И вычли: „Нужён городишко-то нам,
А все-ж, Атаман, прикажи казакам,
Чтоб туркам Азов они сдали.
Не дело нам с Турками воду мутить,
Хоть вы их побили, да могут побить
Они нашу грозную силу.
Страшна для врага наша царская рать,

А все-ж не хотим мы войны затевать —
Боимся, порухи-б не было.
Ты вверх отступи с казаками на Дон;
А Войску скажи ты наш царский поклон…“
… И титул за пóлуночь длится …

———

— „Эх, лучше-б он титула нам не писал,
А зелья побольше да пушек прислал.
И сами сумели-б отбиться.
Не жаль нам оставить разбитый Азов,
Да жалко мóгилы своих казаков …
Их храбрость без дела пропала … “
Бойцы покидают свои курени,
В родимых станицах расскажут они
Как Русь им в войне помогала.

———

В Царьград из Москвы полетели гонцы:
— „Без нашего ведома дрались Донцы.
Воры у вас город отняли … “

———

Эх, жалко о том Атаман не узнал,
Навряд бы кого он к царю посылал,
Не с теми-б Донцы воевали.

———

. . . .
Без прикрас, по Божьей Правде,
Как и мне передавали,
Расскажу я в песне этой
Повесть славы и печали . . .
Расскажу о сте́пи вольной,
О родном своем народе,
Посвящу я песню эту
Чести, славе и свободе . . .
Пусть читают дети наши,
В кулаки сжимая руки, —
Будет время, грянет буря,
Отомстят за дедов внуки . . .
И когда в степи широкой
Смолкнет гул последней битвы
Пусть заменят песни наши
Внукам тихие молитвы . . .
Кто молился — раб покорный,
Кто просил — тому не дали,
Кто сказал — того убили,
Кто взывал — колесовали . . .
Так пора же, стиснув зубы,
Подтянуть коням поводья
И позвать на пир кровавый
В честь Отчизны и Свободы.

I.

— Я люблю тебя, милый, любовью
От которой под грудью болит,
От которой до сладкой истомы
В сердце пламень могучий горит.
Голос твой, твои взгляды и речи
Помню вечно, у сердца храня,

И они — их великою силой —
Из могилы-б подняли меня . . .
Молода́ я, еще не любила,
Ты – мой первый . . .
последний ты мой . . .
Нет, с тобой на Москву не поеду,
Нет, не буду твоею женой . . .
Не поймешь ты меня. Не поверишь
Страшной боли великой моей.
Я зачахну в хоромах высоких
От тоски по дымке́ куреней.
И, родившись казачкою вольной,
Я иной не желаю судьбы.
Мне-ль сменить неоглядные дали
На потехи боярской рабы.
Скинь московские эти вериги,
Перстенек дай со правой руки, —
Обвенчаемся, милый, с тобою
И . . . припишем тебя в казаки . . .
И отца моего ты узнаешь,
И тебя я сильней полюблю,
Коли с ним, за казачую Правду,
Станешь вместе в кровавом бою.
И поможешь нам, малым и сирым,
Супостатов своих одолеть
И, боряся за наши могилы,
Сам сумеешь в бою умереть . . .
Смолкла. Дрогнули стрелы-ресницы,
Обернулась, что быстрая лань . . .
— Мне-ль забыть городки и станицы,
Мне-ль оставить все это?..
. . . Ты глянь . . .
Эти степи и волны ковыли,
Эти балки, леса и кусты,
И затоны, и плеса донские,
Перекаты, камыш и цветы, —
Их люблю я великой любовью

До неясной щемящей тоски
И готова горячею кровью
Напоить золотые пески.
Вы же лаптем московским, тяжелым,
Придавили, примяли траву,
Мало вам, что мы сами не можем
Атаману вручить булаву.
Мало вам . . Наши рыбные ловли
Вы отдали московским полкам,
Солеварни у нас отобрали
И грозите огнем городкам.
Наши пра́деды, бабки и деды
Смерть прияли, Свободу храня . . .
Оставайся со мною, любимый,
Докажи мне, что любишь меня . . .
Улыбнулся . . .
— Послушай, Галина,
Терем есть у меня под Москвой,
В нем ты будешь моей королевной —
Молодою хозяйкой-женой.
Позабудешь цветы и овраги —
Эка невидаль — степь да пески.
Да ей-Богу, я в этой пустыне
Через месяц подохну с тоски . . .
Позабудешь крамольные речи,
За воров перестанешь стоять,
Мне-ль, Галина, с твоей голытьбою
На Царя свою руку поднять?. .
Я . . .
Что раненый лебедь рванулась,
Нет помину о тихих речах,
Глубоко, глубоко загорелись
Угольки в темно-синих очах.
— Стой. Умолкни. Ни звука . . . Ни слова . . .
Ничего мне не надо . . Уйди.
Я в тебе полюбила другого,
Отогрела змею на груди.

Ты — не сокол . . . А я — не рабыня.
Все покончено . . .
— Галя, постой . . .
Под ногами челнок закачался
И исчез за кугою густой.

II.

Эх, крепки вы, заморские вина,
От похмелья — тяжка́ голова . . .

. . . .

Знаю только . . . зовется — Галина
Да запомнил признанья слова.
Говорит . . . про Свободу и Волю . . .
Погоди, вот ужо отыщу, —
Коль сама не захочешь, так ведай —
И за косы тебя притащу.
Научу я тебя покоряться.
Ишь-ты . . . Воля . . . Донская волна . . .
Эй, вы... Кто там?.. Не видите что-ли —
У боярина нету вина.
Городки вам . . . да рыбные ловли . . .
Ха . . . Спасайте-ка вы животы, —
Для казачьей Свободы и Воли
Долгорукий сбивает плоты.
Ну, скажите на милость, подумать,
Наше Поле. С него не сойдем . . .
Врешь, голубчики, вам ли тягаться
С Государем Великим Петром!
Перевешаем. Х—ха. Колесуем.
Что-о?!. Какой есть такой Атаман?
Булавин? На дыбу . . . Четвертуем . . .
Что-о? Кому ты? Кто выпил? Кто пьян?!.

. . . .

Эх, боярин, боярин веселый,
Отчего ты лежишь под столом,

Отчего свой кафтан длиннополый
Заливаешь заморским вином.
Аль всамделе девичие речи
Залегли на душе глубоко,
Аль тебе убивать беззащитных
И сжигать городки не легко.
Али женщины, дети, старухи,
Перебитые вашей рукой,
Кошмарами ночными приходят
И тревожат боярский покой.
Иль мерещатся темным виденьем
Сотни виселиц, стáи ворóн,
И от крови героев казненных
Покрасневший, надувшийся Дон.
Аль боишься ты глянуть, боярин,
С наступленьем ночной темноты,
Как плывут по течению Дона
Долгорукого князя плоты.
А на них, попущеньем Господним,
Тех, чья слава по свету прошла,
Колыхаются медленно, жутко,
Почерневшие, в ранах, тела . . .
Что орешь ты, напившись, боярин
И бессвязные мелешь слова —
Тридцать два городка погорело,
Поросла на их месте трава . . .
Что грозишься, шатаяся, пьяный,
Хмуришь ты соболиную бровь, —
Восемь тысяч донцов перебитых
Доказали к Свободе любовь.
Булавин в курене затворился —
Он умрет за Родные Края . . .
Что с любовью, боярин, твоею?
Где, боярин, Галина твоя?
Ты ее меж пленённых казачек
Безуспешно глазами искал
И боялся, чтоб князь Долгорукий

На потеху ее не отда́л.
На потеху солдатам веселым . . .
На Дону нынче много солдат, —
На Дону солдатня веселится,
Веселится, работая, кат.
Веселишься ты, пьяный боярин,
Промеж царских веселых людей,
Напиваешься каждую ночку,
Стольник царский — Орлов Алексей.

III.

Нет . . . Галину они не поймали,
Нет, им в руки она не далась.
Она вместе с отцем-Атаманом
В курене войсковом заперлась.
В шароварах; в чекмень темносиний
Затянувши высокую грудь,
Саблей острой себе прорубила
Меж низовых изменников путь.

. . . .

Эх, Казачество, Волюшка-Воля.
Дон, Отчизна родная моя,
Вы предателей много видали —
Между ними Иуда-Илья.
Эх, ты, Зерщиков, Зерщиков Каин,
Дон навеки тебя проклянёт.
Изменил ты казачьему делу,
Про́дал в рабство Казачий Народ . .
Эх, измена — змея водяная,
На Дону ты гнездишься давно,
Ты казачьи полки побеждала,
У стругов протаранила дно.

. . . .

Нам дана безграничная сила,
Суждены — колесо да тюрьма.

Наших славных казачьих героев
Подло жалил предатель — тума́.
Меж собой казаки соберитесь
Поглядите друг другу в упор, —
Он — не выдержит. Он побледнеет,
Он опустит предательский взор.
Кат у нас на Дону не работал,
А судьею был Круг Войсковой,
Мы сажали изменников в воду,
Завязавши мешок бичевой.
Казаки, меж собой соберитесь —
Поглядите друг другу в упор . . .

. . . .

Вас измена послала в скитанья
И дала поражений позор.

. . . .

IV.

— Батя. Ро́дный. Я за́перла двери,
Завалила окно сундуком . . .
Батя, милый . . я стану у входа
С самопалом — турецким ружьем . . .

. . . .

Батя, милый, прости свою дочку,
Не серчай на меня сгоряча, —
Каюсь горько, я крепко любила,
Из Сумско́го полка москвича.
В прошлом годе в Азове он ранен,
Я ходила за ним, как могла,
Тра́вы к ранам его приклада́ла,
Алексея от смерти спасла.
Полюбились мы крепко друг другу
И до гроба в любви поклялись.
Стал он на ноги. Вскоре волненья
В солеварнях твоих начались.

Долгу ночку я с ним говорила,
Перейти в казаки позвала́,
Да неправды могучая сила
Алексея с собой увела.
Приглашал он . . . сулил мне хоромы —
Терем-клетку, боярскую цепь,
Но в душе у меня победили
Кровь казачья, свобода и степь.
Войску я своему изменила,
Волю сердца свово продала́,
Я врага казаков полюбила,
Гнев Господень на Дон навлекла . . .
Боже, Боже, Ты праведен в небе,
Дай же силы и твердости мне
Умереть за Казачую Правду
На двадцатой девичьей весне.

. . . .

Замолчала . .
Упала папаха . . .
Расплелась, распустилась коса,
На чекмень, по щеке, покатилась
Серебром заблестевши слеза . . .

. . . .

— Галя, Галя, напрасные речи —
Не карает Господь за любовь.
Ты, отдав неприятелю сердце,
За Казачество дашь свою кровь.
Да, я вижу, ты сильно любила,
Так за что же я буду серчать —
Вместе ляжем в сырую могилу,
Перед Богом пойдем отвечать.
Я пред Господом мирно предстану
И тебя приведу. И без слов,
Покажу наши страшные раны,
Испрошу отпущенье грехов.
Он — велик. И поняв наши боли,
Прегрешенья Всебла́гий простит.

Всех творил Он для счастья и воли —
Не для зла и войны, иль обид.
В том грешны мы пред Богом, Галина,
Что любили Родные Края,
Что боряся за Старую Веру,
Умираем за други своя.
Мы — начало Великого Дела
И, я знаю, — придут времена:
Воскресению Дона послужат
Наши, Галя, с тобой имена.
Я — спокоен . . . Простися со мною,
С Доном, степью, турецким ружьем,
Не стреляй . . . Было крóви довольно.
Не отбиться от сотен вдвоем.

. . . .

Вы прощайте, привольные степи . . .
И старшины, мои казаки, —
Я за Дом Богородицы Девы
Вел к сраженьям донские полки.
Я за Поле исконное наше
И за Войско Донское повел.
Брат за брата, отец же за сына,
Друг за друга за мною пошел.
Зло на нас казаков умышляют
И в эллинскую веру зовут
И казнят без суда, понапрасну,
Городки беззащитные жгут . . .
Верен вам я, казненные други,
С вами вместе и мне суждено
Стать в борьбе супротив супостата,
Умереть на степи заодно . . .
Все покончено. Дон обескровлен.
Занялся наш последний рассвет . . .

. . . .

Тускло блещет к виску прислонённый
В Атаманской руке пистолет . . .
Выстрел . . .

Тихо . . . без жалоб и стона
Дух степного героя угас . . .

. . . .

И окрасился кровью горячей
Шаровар темноалый лампас . . .

. . . .

— Батя . . .
Грянули дружно удары.
Развалилися створки дверей,
Обернулася вихрем . . .
С порога
Бледный, страшный, глядел Алексей.
— Галя? . . Ты? . .
— Я . . . Должно быть не думал
Здесь Галину свою повстречать . . .
Что, трусы, поглядите, — умеют
И казачки за Дон умирать.
Боже Правый, прими мою душу, —
В ней безбрежная, злая печаль . . .

. . . .

Распахнула чекмень. Прямо в сердце
Жадно впилась турецкая сталь.

. . . .

Ворвалася толпа, и ногами
Била трупы . . . Потом из дверей
Волокли . . . Прислонившися в угол,
Истуканом стоял Алексей.

V.

. . . .

Ходит Доном калика убогий,
Просит хлеба, да ночью приют . . .
И ему, за убитых, каза́чки
Медяки, перекстясь, подают.
Босиком, целино́й, без дороги,

По сугробам блуждает весь день
И зловещей неведомой птицей
Степь сечет его черная тень.
Кто он?.. Чей?.. И пришел то откуда?..
Взгляд безумца под снегом бровей . . .
Жадно тянет дрожащие руки
Юродивый монах Алексей . . .

Дон Кормилец . . . Отец мой Родимый,
Ты ночами по долгу не спишь,
Ты о чем до зари с камышами
Тихо шепчешь? Про что говоришь?
Про былые-ль дела и походы,
Иль про храбрость убитых в бою,
Или песни и сказки слагаешь
Про Галину — казачку твою?
Пой, широкий . . . Гулливой волною
Уходя до глубоких морей,
Пой о славе убитых героев,
Полюбивших просторы степей . . .
Ничего им не нужно, Родимый,
Им хотелось свободно вздохнуть,
Им хотелося к травам пахучим
С тихой лаской сыновней прильнуть.
И они . . . сотворенные Богом,
Веря в право свое на любовь,
Отдавали Казачьему Делу
Жизнь свою и горячую кровь.
Пой Родимый . . .
                    И я подпеваю —
Песнью буду Свободе служить.
Наши дéды за степь умирали —
Мы сумеем бороться и жить.

СЕМЕН — ОТРОК.

. . . .
Ходят тучи темные,
Серо небо мутное,
Утром затуманенным
Обжигает стыть . . .
Листья — будто вороны,
Мысли — листья желтые,
Что поземка веются, —
Не остановить.

Мне про Дон бы Батюшку
Да про степь кормилицу,
Да про племя вольное
Песню заиграть.
Да в нехитрой повести
Про Семена-Отрока
Господу пожалиться.
Детям рассказать . . .

В старину старинную,
Времена далекие
Без молитвы-радости
Нехристь, разве, жил . . .
В старину великую
Перед делом-промыслом
Всяк по Дону истово
Крест святой творил . . .

Помоги мне, Господи,
Послужить Казачеству,
За него, родимое,
Жизнь отдать свою.
Упокой мя, Господи,
Промежду курганами
Возле Дона Тихого
Да в родном Краю . . .

Положуся, веруя,
Я на волю Божию,
А на Волю-вольную
Тихо помолюсь,
И за славу Господа
И Казачью Славушку
С нерушимой верою
В другоряд окщусь . . .

Слава Богу Господу,
Слава Дону Тихому
И всему Казачеству
Слава — ярче звезд . . .
. . . .

Я за правду вечную
И за души воинов,
За нее боровшихся,
Ставлю третий крест.

1.

. . . Разметались руки,
В чубе кровь спеклася,
Кружит, кружит ворон,
Уменьшая круг;
Дует мокрый ветер —
Раздувает пепел,
Засыпает гарью
Пожелтевший луг . . .

. . . Кончены стремленья.
Кончились желанья . . .
Не откроет воин
Голубых очей,
Не окинет взором
Ширину Задонья.
Не затянет песню
О красе степей . . .

. . . Городок разрушен,
Стариков побили
И детишек малых
Покидали в Дон.
И всю ночь галдели,
Из пищалей били,
Потолкали с яра
Матерей и жен . . .

. . . Городок держался
Три дни и три ночи,
Да силен полками
Долгорукий князь . . .

. . . .

. . . Подолели силой
И огнем спалили,
Из крови и гари
Замесили грязь . . .

. . . Атаман Ефремка
Шашкой отбивался,
Да его стрелили
Издаля под бровь . . .
И лежит Ефремка
Посередь ливады,
На татарник смятый
Тихо каплет кровь . . .

2.

Где-ж Семен Ефремыч?
. . . А его ясырка
Балкой по над Доном
Ночью унесла,
В камышах блукала,
По степи скиталась
И, к орде прибившись,
Жизнь ему спасла.

Спит Семен Ефремыч,
Пузыри пускает —
Уморился бедный . . .
Что-ж... нехай соснет...
Морщит нос курносый
И ногами сучит . . .
Нынче Вам, Ефремыч,
Стукнул третий год.

Мать толкнули с яра,
А отца стрелили —
Не горюй, Семенка,
Набирайся сил,
Подрастешь — узнаешь,
Кто твой враг извечный,
Что Казачью Волю
На степи убил . . .

3.

Беспредельной степью
Под орлиный клекот,
Под совиный шорох,
Разбрелись стада . . .
По зеленым травам,

По лугам привольным,
По степным речушкам
Движется орда.

Впереди – наездник
Зорок, быстр и жилист,
Конь — в богатой сбруе,
За лукой — аркан . . .
Солнце тихо гаснет,
Выростают тени,
Задымились юрты
Выбран новый стан . . .

Гля . . . Семенка вырос —
Десять лет Семенке,
По калмыцки ловко
Знает лопотать,
Он с коня не сходит —
Он табунщик будет,
Он из лука мастер
Сусликов стрелять . . .

Умерла ясырка,
Что спасла мальченку,
Что блюла Семена
Не смыкая глаз;
От нее Семенка
Об отце Ефреме
И про мать Наталью
Услыхал рассказ . . .
. . . .
. . . .

Конь в степи стреножен,
Верблюды на пепел
Улеглись. Собаки
Лают на овец,
Ковыли склонились,
Догорают зори,
Серебром белеет
Влажный солонец.

Засыпают юрты,
Замолкает гомон,
Полегла скотина —
Стан об'емлет сон . . .
Загорелись звезды,
Потянуло влагой —
Стал туман над балкой . . .
. . . .
Но не спит Семен.

В темноте не дрогнут
Детские ресницы
И глядится небо
В синь его очей,
И мальчишка верит —
Вот — окрепнут руки,
Подрасту, ударю
Сам на москвичей . . .

Я спрошу их, — кто-же
Утопил маманю.
Я спрошу — папаню
Кто из вас стрелил . . .
Я заставлю князя —
Он мне сам построит
Городок, что ночью
С войском попалил . . .

Выгоню их с Дона —
Пусть идут на север,
Позову на помощь
Турок и орду

И до края степи
С именем Кондрата
На знаменах синих
Казаков сведу.

Городки поставим,
Обнесем валами,
По границе нашей
Поплетем плетни...

. . . .

Тяжелеют веки,
Сон плывет по степи,
Звезды зажигают
Синие огни...

Спит Семенка. Тихо...
Конь звенит треногой,
Скоро побелеет
Пред зарей восток,
Пес во сне погнался
За совой... Спросонья.
Широко зевая,
Чешет рыжий бок...

4.

. . . .

Годы...
станьте... станьте,
Вы куда летите —
Аль вам тоже тяжко
От злобы людской.

. . . .

Без оглядки — в Лету...
Под сугробный холод,
Под морозный ветер,
Под мятельный вой...

. . . .

Дымно в теплой юрте...
Покурили трубки —
Из Черкасска прибыл
На улус казак.
Он — нащет скотинки —
Вишь, зима какая,
Выменять бы можно —
Есть сукно... табак...

Тихий и неспешный
О торговом деле
Семка переводит
Чинный разговор.
— Ты откеля, малый?..
— Я — Семен.. Ефремов..
Мой убит папаня...

. . . .

— Твой папаня — вор...

— Что?
Вскочил Семенка,—
Ты откуда взялси?
— Я-то?.. Все я знаю!—
В городке я был,
Твой отец с Кондратом
На царя поднялся —
Я его с пищали
С вала подстрелил...

— Ты?..
Дыханье сперлось,
Загорелись очи...
— Ты?..
Так будь же проклят

Окаянный час,
Что в юрте у друга
Я тебя увидел —
Бог тебя сегодня
От отмщенья спас...

— Ха-ха-ха...
Поглянь-ка,
Да не лайси, малый,
Мы тебя искали,
Ты-ж сумел уйти...
Жалковал я сильно —
Государь за вора
Казакам целковый
С головы платил...

Тихо...
... Тихо стало.
В гробовом молчаньи
Встал хозяин юрты
Старый дед седой
И сказал...
— Послухай,
Знаем, что Иуды
Продали свободу
И Присуд Степной

Предали... Жалею,
Что тебя я принял,
Уходи... Не можешь
Гостем быть моим —
Я с Кондратом тоже
Против русских бился
И его мы имя
Доси свято чтим...

Злобно гость поднялся...
— Прощевайтя... что-же..
Мне в Черкасской надо...
Тороплюсь... дела...

. . . .

Выехал из стана,
Дунула поземка
И следы по шляху
Снегом замела...

А в юрте Семенка
Захлебнувшись плачем
На воловьей коже
В уголке приник...

. . . .

Головой качает,
Злых предчувствий полон,
Разжигая трубку
От угля, старик...

5.

. . . .

Зашумели зыком:
— Не дадим... Не надо.
С нас довольно крови,
Коли-ж ты охочь,
То пошли в подарок
Воеводам царским
Для ночной забавы
Маньку... свою дочь...

— Эй, гляди, ребята,
Хрест ведь целовали:
Это-ль не измена —
Вора затаить?
Круг замолк...

И ревом:
— В куль его, рёбята,
В воду его, братцы,
Надо посадить...

И сверкнули шашки,
Дрогнул зимний воздух...
— Будя. Натерпелись...
Вон отцеда. Гад.
. . . .
И ушел побитым
С Войскового Круга
Малого Семена
Добровольный кат.

Атаман руками
В курене разводит..
— Хрест мы целовали,
Так-то оно так...
Ты же был на Круге —
Чать слыхал. Чего-же...
Я без воли Круга
Сам — простой казак...

Я тут, брат, без силы —
Вишь, как распалились...
Только поошиблись —
— Я — слуга царев...
(Шопотом)
— Послушай,
Подседлай-ка ночью
Да степной дорогой
Побеги в Азов...

Злобы подлый памень —
Ты сжигал народы
Ты родные степи
В рабство обратил...
. . . .
На валах Азовских
Увидали — конный...
Часовой ворота
Крепости открыл.

Ночью... в темь и холод...
Эскадрон рейтаров
На восток по звездам
Держит тайный путь...
— Эй, казак, опомнись.
Ты повел Азовцев...
Эй, казак, не поздно
Коней повернуть...

Комендант Азовский
Спит в опочивальне...
. . . .
Степь свою свободу
Продает сама...
А с валов несется
Часовых московских:
„Славен Муром город...
Пенза.а..аа... Кострома..а..а“.

6.

В юрте тихо, тихо...
На степи мятели
Громоздят сугробы,
Ветер ветлы гнет,
По базам кизечным,
Плотно сбившись в кучи,
За день передрогший
Спит, согревшись, скот...

Все кругом спокойно,
Лишь Семенку душит
В третий раз пришедший
За ночь страшный сон.
Видит он...
... Дорога
По над Доном вьется,
Видит полный трупов
Обмелевший Дон...

А по той дороге
По три в ряд, без края,
Обливаясь кровью,
Казаки идут...
Булавин, Некрасов.
Емельян шагает
И отец Семенкин,
И Семенка тут...

В синяках и ранах,
Стрелы впились в тело,
А на шеях — петли,
Головы — в руках,
И идут, шатаясь...
И звенят цепями...
И дымится кровью
Приулитый шлях...

А пред ними каты,
Страшные и злые,
А в степи — рядами
Русские полки...
Пригляделся Семка —
Боже... Ужас... Боже...
Каты — наши братья...
Каты — казаки...

А далеко сзади,
По следам за ними
Ослепленный... тучей
Движется народ...
То народ казачий
По крови героев
Шаг за шагом... молча...
Скованный идет...

Ничего не видят
И тревоги полны,
Атаманов ищут
Сотни мертвых глаз...
И несутся к небу
Вопли и стенанья
Из груди казачьих
Неоглядных масс...

И ужасны стоны,
И ужасен ропот,
И клубится к небу
Кровяной туман...
. . . .
Жуткий вой прорезал
Ночь. Семен проснулся,
На базах тревожно
Взвыл седой Полкан...

Сжалось сердце Семки
В бесконечном страхе.
Выйти, глянуть, что-ли...
Где треух-то мой...
... Всполошились кони,
Скот шарахнул с база...
Выстрел. Нападенье...
Стоны...
Крики... Вой...

В ужасе из юрты,
Ничего не помня,
В зипунишке драном
Выскочил Семен
И глядел из балки,
Как улус занялся,
И слыхал калмыков
Умиравших стон...

Не нашли Семенку,
Матерно ругались
И к утру угнали
Ошалевший скот...
. . . .
. . . .

7.

Поднялись мятели —
Позадули тропы...
. . . .
Что там за мальченка
По степи идет?

Медленно... без силы
Поднимает ноги...
Сел под скирд... забился...
Побелел малец...
А сугроб все выше.
Ветер... все сильнее...
. . . .
Глянь... никак маманя...
Глянь... никак отец...

— Это ты... папаня?..
— Я, сынок. Здорово.
Уморился, что-ли...
Ишь — блукаешь сам...
Ну, теперь мы вместе,
Атаманы — с нами,
Наш теперь ты, Сема,
Так пойдем-же к нам.

Закружился ветер,
Не видать ни неба,
Ни земли не видно, —
Все бело кругом...
Подложив ручонку
Под щеку, с улыбкой
Спит Семенка малый
Тихо вечным сном.
. . . .
. . . .

8.

Комендант Азовский
Перечел скотину
И велел старшому
Доложить о всем.
Услыхал...
Как ночью
На улус напали
И побили сонных,
И зажгли потом...

Как двоих мальчишек
Там нашли побитых
И казак — доносчик
Их в огонь кидал...
А назад поехал
Хмурый и сердитый —

Выпил, видно, много
И от них отстал...

— „И уж вовсе близко
Были мы к Азову,
Да его, вишь, волки
На земь сволокли...
Мы-ж скотину гнали
И перепужались
И ему подмоги
Дать-ат — не смогли.

А коня поймали, —
Конь донской, хороший,
И его мы просим
В дар с седлом принять"...
Комендант доволен:
— Дать ребятам меду,
По семитке медью
За геройство дать.
. . . .
. . . .

Тучи...
тучи...
тучи...
Понеслися мимо,
Только пыль схватилась
С крепостных валов...
И уснули степи,
И катятся реки,
И в ночи чернеет
Вновь чужой Азов...

Коль вернется воля.
Коли Бог услышит
Стоны поколений,
Тихий звон молитв,
Коли мир узнает
О любви казачьей,
О бессчетных жертвах
Несчислимых битв...
. . . .

...Мне-б шалаш под кручей
Да бахчу на взлобке,
Самоловку... вентерь...
Лодку... перемет...
Да привады банку,
Да табак для трубки,
Да в донском затоне
Солнечный восход...

Я, на лодке сидя,
Заиграл бы „гвоздик"...
И, друзей не зная,
О врагах забыл
И восславил Бога...
И, Ему поверя,
Горбылей на муку
Для щерьбы ловил...

А пока, не веря
Ни словам... ни вздохам
И презреть готовый
Слишком лживый свет,
Снова одинокий,
Неоглядной степи
Песнью о Семене
Новый шлю привет...

———

А З О В.

(Песня о юных годах).

. . . .

Уйдите прочь, тревоги и печали,
Пусть лиры звон вас заглушит хоть раз, –
Я нынче пьян вином воспоминаний
И повести хочу совсем иной рассказ . . .
Пора, пора запеть о том, что сердцу любо,
Разгладить на челе глубокий след морщин
И, вспомня Дон седой, веселой песнью славить
Его могучий бег, красу его равнин . . .

Прошли мои года . . . Так что-же. Миллионы
Ушли под сень крестов . . . И все же я — пою.
За лучший в жизни миг, счастливое мгновенье,
Сегодня, веселясь, я сам с собою пью . . .

Благословен Господь, что в жизни неприветной
Вложил в сердца огонь и влил живую кровь,
Благословен, что дал своим донским казачкам
И стройный, гибкий стан и соболину бровь . . .

Так что-ж, лети скорей, безжалостное время,
Ты сердце умертвишь, но в пепле сердца все-ж
И тихие мечты, и песню глаз девичьих
И шопот о любви бесследно не убьешь . . .

. . . .

Я посвящаю всем, кто в радость первой встречи
Весь юный пыл души, всего себя вложил,
Кто помнит этот день, кто в этот день великий
И Бога, и людей, и мир благословил . . .

Азов, Азов, твои валы крутые,
Церквей твоих высокие кресты —
Азов, Азов — в моем холодном сердце

Звездой — зарницею сияешь только ты.
В семнадцать лет с моей разбитой сотней
Три месяца стоял на пополненьи я.
Три месяца . . . Ах ими . . . только ими . . .
Прекрасна и полна пустая жизнь моя . . .
Семнадцать лет . . . Походкою небрежной
По улице пройду . . . Алеет мой лампас . . .
Мне узок тротуар . . . Я никого не вижу . . .
Я только чувствую огонь девичьих глаз.
Ведь я — казак... Герой... Я с фронта... Я сражался.
Что мне большевики. Я покорю весь свет.
Я слышал песню пуль . . . Я слушал звон шрапнели,
И на руке моей удара шашки след . . .

II

В старинном курене, у двух седых поповен,
Квартиру мне назначили мою.
Я пышки утром ем, щербу в обед хлебаю,
А вечером, в саду, чаек с вареньем пью.
Сады . . . сады . . .
Под сенью яблонь белых,
Вечернею зарей, любил я чаевать
И долго, замолчав, сидеть в кустах сирени,
Внимая соловью, — ни думать, ни дышать . . .
Сады . . . мои сады . . .
. . . Ах, если б люди знали
О том, как кузнецы стрекочут в тишине,
О том, как мы тогда любили и мечтали, —
Кто смел бы говорить о крови и войне?
Сады . . .
Краса станиц и хуторов казачьих,
Вы дремлете полны поэзии живой,
Под соловьиный свист, под пенье старых песен,
Исполненных степной безбрежною тоской . . .

III

— „Я много раз вас на коне видала,
Когда купать его водили вы на Дон, —
Ведь это вы вчера с коня подняли с гиком
Платочек белый мой из под моих окон . . .
Я вижу вы — казак . . . наверно — доброволец . . .
Зайдите к нам . . . калитка есть в саду . . .
Я отопру ее и вечером с подругой
Налево, где сирень, к семи, у ветел, — жду . . . “
. . . .
Чумазому послу донскую четвертную
На семячки тогда, обрадовавшись, дал.
На хворостине он... а я — пешком... в проулок...
И он калитку мне в заборе указал.
Одиннадцать часов . . . Ах, кто же не томился,
Весенний долог день, черты его возьми,
Почистил я коня, оделся, пообедал
И все же . . . шесть часов осталось до семи . . .

IV

Темнеет степь . . . Упала жарь дневная . . .
Прохладным ветерком пахнул на город Дон,
Курчавых облаков пошла на запад лава,
И бирюзой горит прозрачный небосклон . . .

Писать о том, как я открыл калитку
И увидал в саду точеный силуэт,
Подробно передать о чем заговорили, —
Нет, не могу . . . не в силах . . . нет! . .
Словами бледными не описать мотива
И песни, и псалма, и гимна . . . что горя,
В душе моей тогда поднялся ветром буйным
И пел . . . пока опять не занялась заря!

Да и не знаю я о чем мы говорили . . .
Да и не слышал я ничьих бегущих слов . . .
Я видел искры глаз, я видел профиль тонкий,
Я позабыл весь мир, я позабыл Азов.
В одиннадцать ушел . . . по небережной Дона
Всю ночь моих шагов звенел невнятный гул.
У пушек я присел; на звезды не мигая,
Глядел . . . Счастливым сном перед зарей уснул.

Гори, заря, гори . . . Я — счастлив . . . Я влюбился.
Как дышется легко, полна восторга грудь,
На всю бы степь запеть, плясать бы танец дикий,
Из пушки клиновой через Азов пальнуть!

V

Поповны — знают все . . . Поповны — угадали . . .
И шопоток пошел из куреня в курень . . .
Я только вечер жду . . . Ну, право, я не знаю,
К чему придумал Бог ненужный, нудный день . . .

VI

Три месяца прошло . . . Пополненная сотня
Готова снова в бой. На завтра — выступать.
Последний вечер — наш . . . Последнее свиданье.
Я буду сух . . . и строг . . .
Я буду руку жать . . .
Скажу, что я вернусь, что Родина . . . и служба . . .
Меня на бой с врагом друзья и долг зовут,
Я не боюсь огня, я не боюсь атаки . . .
И, может быть, меня — большевики убьют!

VII

Пошли . . . пошли стучать тяжелые вагоны,
Открылась снова степь . . . Прости-прощай, Азов . . .
Забился в угол я . . . Я в саквы что-то прячу,
Не слышу тихий смех шутливых казаков.

Ушли... Ушли года... А в сердце след глубокий . . .
Азов, люблю тебя с тоскою поминать,
В семнадцать лет — любить. Да, юным, только юным
Легко и полюбить, легко и воевать . . .
И где теперь она?.. Быть может — позабыла,
Но мне не позабыть зелененьких окон,
Не позабуду встреч на набережной тихой,
Как не забуду степь, как не забуду Дон . . .

Ушли года . . . Ушли . . . Чреда воспоминаний,
Мгновенно воскресит когда-то милый лик . . .
Я так терпеть привык, я пережил так много
И в тридцать лет душой — глубокий я старик.

Прощай, прощай любовь... Нет, больше я не встречу,
Нет, не поверю я ничьим теперь глазам,
Что было — то прошло!.. Трава валы покрыла,
Молодняком полны аллеи по садам.

Рассказ мой полон был ненужных отступлений . . .
Да и к чему я вам все это рассказал?
Простите мне . . . В минуту откровенья
Я о любви своей немножко разболтал . . .

СТАНИЦА ТЕРНОВСКАЯ.

. . . .
В темноте, в полночи,
Гляну на икону —
От лампады тихой
Светел строгий лик.
В темноте, в полночи,
По родному Дону
В наболевшем сердце
Затаится крик . . .
Знаю — силы гаснут . . .
Не сдержусь от боли,
Не сдержу под горло
Подошедших слез
От тоски великой
По ушедшей воле,
От любви безмерной,
Что с собой унес . . .
. . . .
Я бы плакал . . . плакал . . .
Стал бы на колени . . .
Казаки! Да где же
Наш кормилец Дон?
Казаки, за нами —
Наших дедов тени,
И в ушах не молкнет
Погребальный звон . . .
Али черствым сердцем
Прошлое забыли,
И в душе уснувшей
Шорох трав затих,
И под серым слоем
Иноземной пыли
Потускнела слава
Рыцарей степных . . .
Я бы сердце вырвал
Из болящей груди, —
Не слыхать бы ночью
Зова ковылей . . .
Казаки. Вы что же —
Нелюди иль люди,
Или вам в изгнаньи
Умереть милей?
Иль сыны свободы
В страхе покорятся, —
И заплачет горько
Сиротой Кубань,
И завянут травы,
Вербы похилятся,
И затопчет лапоть
Войсковую грань . . .
Казаки, неужли
Дедов наших пламень
Нам позором вечным
Суждено покрыть . . .
Казаки, коль с нами
Войсковому праву,
Вольному Присуду
На степи не быть . . .
Казаки . . . папахи
И лампасы скиньте;
Распоров черкески,
Бросьте газыри —
Пусть в станицах будут
Мужики — хозявы,
Пусть царят над степью
Русские цари,
Пусть о нас, ничтожных,
Позабудут люди,
И позор великий
Ляжет лишь на нас . . .

А о славе дедов
Жить веками будет
В поколеньях новых
Пламенный рассказ . .

В темноте, в полночи,
На икону гляну:
От лампады светел
Взгляд святых очей . . .
Слышишь, Бог, нам надо
Стеньку в Атаманы
И Присуд казачий
До границ степей . . .
. . . .
Затужил я ноне
По Степному Краю
И зашлася в сердце
Боль родной земли . . .
. . . .
Ноне с новой верой
Песню заиграю —
Помоги мне, Боже,
Добрый час пошли . . .

Глава I

1.

Провожали сынов на войну . . .
Поп молитвы читал на морозе,
И катились из старческих глаз
Бриллиантом горевшие слезы . . .
— Бласловите, папаня, в поход . . .
Взвыли бабы . . . — Ребята, глядите, —
Замечаний иль што там — ни-ни.
И без лычек домой не ходите . . .
Посадились . . . Фланговый запел:
— Э-ой . . . поехал казак на чужбину . . .
. . . .

Долго, долго он следом глядел,
Долго горбил усталую спину . .
Оглянулся, ан все разошлись . .
Стряпки вздули огни по загнеткам,
Месяц всплыл из за старой вербы
И повис на поломанной ветке . . .

2.

За три года великой войны
Многих, многих в церквах поминали;
Много слез и горячих молитв
Камышевые крыши слыхали . . .
И Гаврил и Петро на войне —
Два красавца, два сокола ясных . . .

. . . .

Дон, родимец, скольких сыновей
Ты пожертвовал жизни напрасно . .
И Петро и Гаврил на войне
За Россию с врагом воевали . . .

. . . .

Ток зарос на отцовском гумне
И хлеба на корню загнивали . . .

. . . .

Две жалмерки . . . внученок Андрей,
Сам Назарыч. А пай — солонцовый . . .
Справил седла, одежу, коней —
Девять сот задолжался целковых.

3.

Вечерами под прялошный шум,
Над газетой склонившися с дедом,
Без запинки Андрюшка читал
Про войну, про бои и победы.
Загорались у деда глаза —
Времена вспоминались былые . . .
И у баб за слезою слеза
Упадала в клубки шерстяные.
А в сенях, на соломе, Кутьку
Сны про молодость долгие снятся:
Будто он разгоняет котов
По верхушкам станичных акаций . . .

. . . .

Высоко поднималась луна,
По станице огни потухали,
И, оставя в кормушках овес,
В стойлах сытые кони дремали.

4.

И весной, выезжая на степь,
Поглядеть на озимые всходы,
Умилялся Назарыч красе
Степовой полудикой природы.
И, волненья не в силах сдержать,
На колени старик становился,
Двухперстовым сложеньем крестясь
На восток обернувшись молился.
С просветленной молитвой душой
Ворочался Назарыч в станицу.
И блестели в весенних лучах
Тавричанки омытые спицы.
Высоко, высоко в синеве
Облака пробегали гурьбою . . .

. . . .

Боже. Сколько напрасных надежд
Ты убил в сотворенных Тобою . . .

Глава II.

1.

Революция . . .
Раб вековой,
Опъяненный победою легкой, —
Почему ты на братьев своих
Повернул нарезную винтовку . .
В полтораста милльонов голов,
Сотни лет отбивая поклоны,

Ты не понял, что счастье пришло
И тебе . . . и Кубани . . . и Дону . . .
И, в потоках крови утопив
Все, что к воле рвалось из России,
Перед новым властителем ты
Преклонил бунтовавшую выю . . .

. . . .

Жалок, Русь, твой ничтожный удел,
Как несчастье больного урода . . .

. . . .

Ты оковы надела себе,
Задушив в колыбели свободу . . .

2.

Воротились в станицу свою
Казаки . . . И Петро, и Гаврила . .

. . . .

Сколько пролилось радостных слез,
Сколько искренней радости было . . .
И забывши, что старость в хвосте
Репяхами глубоко мостится,
От восторга носился Кутек
По базам, по двору, по станице . . .
И едва повидавшись с отцом,
Убежавши от бабьего крика,
У амбара Андрюшка глядел
На седло, на отцовскую пику . . .
А Назарыч и светел и горд:
Нынче старому радость и праздник
Ведь Гаврила вернулся — бантист,
А Петро — кавалер и урядник.

3.

Четверть водки поставил Петро . . .
И Гаврила . . . Да что его толку —

Расщедрился Назарыч — ведро.
— На, Андрюшка, мотай в винополку.
И поднялся коромыслом дым . . .
Пели . . . пили . . . ругались . . . плясали . . .
И, с бабенками прячась в садах,
Пьяным сном на траве засыпали,
А наутро — пошли по сабе,
Шароварились . . . гикали . . . дрались . . .
Трое суток прошло во хмелю,
Двое суток потом отсыпались . . .

. . . .

Ловко пили прадеды вино,
Да и внуки умеючи пили . . .
Много было нам Богом дано,
Много сами мы зря загубили . . .

4.

Поприжухли станицы в тиши,
По церквам расползлися старушки,
И протяжный казачий напев
Заменили пустые частушки —
Непогодь поднялась по степи,
У коров молоко попропало,
А на небе . . . семь мертвых царей
Бабка Скрынчиха ночью видала;
В слободе — появился совет,
Гром ударил у церкви в осину;
Дед Евсей, обратясь кобелем,
Выл ночами на старой плотине . . .
Не к добру . . . Придавила тоска . . .
Ветер в ветлах надрывисто стонет . . .
. . . .
Говорят, что теперь казаков
Присягать под коммуну погонят . . .

Глава III

1.

Слободские станишный табун
В Рассыпном на попас не пустили . . .
За грудки с пастухами брались,
А подпаскам сопатки набили . . .
В слободу-же, в Ольховку, пришел
При орудии полк коммунистов,
И надась похвалялись хохлы —
Выжечь нашу станицу дочиста . . .
И Евграф Митрофаныч, дьячек,
Весь избитый, прибег из Ольховки:
— Забирают хохлов под гребло,
Раздают самогон и винтовки . . .
Говорят, что казачья земля
Под Россию теперь припадает,
Будто Бог-то декретом смещен . . .
Пятый год казакам поминают . . .

2.

— Господа старики, обсудить
Предлагаю станишному сходу . . .
Встал Петро:
— Что там . . . Будя . . . Давно
Мы жалали России свободу,
Надо выбрать станишный совет
И в Ольховку послать делегата,
Вместе надо с народом иттить,
Супротив подыматься не надо . . .
— Это што за такой за народ . . .
Ишь наел франговицкую шею.
Нас хохлы перевесть норовят,
Сам ступай, коль охота, в Расею . . .
— И пойду . . . — И иди . . . — И пойду.

— Да не спорьтеся вы с фулиганом,
Обскажите Назарычу, — он
Отлатает сынка плетюганом . . .

3.

Загалдели, затюкали: — Га!
Кавалер, а шумишь о „слободе“ . . .
Туча тучей, узнав о Петре,
Появился Назарыч на сходе.
— Что сынок, за Расею . . . Совет.
Наглотался солдатской науки . . .
Господа старики, не могу —
На свово не подымутся руки . . .
Слышь, Петро . . . забирай барахло —
С глаз долой уходи . . . за советы . . .
Да запомни, что в сердце моем
Больше сына, урядника, нету . . .
Осрамил ты меня, старика,
Обесчестил семью по станице,
Ну, а где попадешься — гляди, —
Мне с винтовки стрелять не учиться . . .

4.

Поплотнее шинель запахнув,
Натянувши папаху на очи,
Из правления вышел Петро
И исчез в наступающей ночи . . .

. . . .

Старики до вторых петухов
Про доклад пастухов говорили.
В наступленье на утро итти
На Ольховку на сборе решили.
И Назарыч коня подседлал,
И Гаврила пошел убираться . . .

Над речушкой поднялся туман,
Начинало в степи развидняться.
Затрубили поход. Казаки
На восток широко закрестились . . .

. . . .

Дон пошел на Голгофу свою.
Под копытами травы склонились . . .

Глава IV

1.

В слободе — суматоха и хай —
Казаки по бугру наступают.
И Грыцько, и Хома, и Тарас
Трехдюймовку спеша заряжают.
Наблюдатель, Грыцько, у трубы
Взлез на почту высоко на крышу,
Да беда, что Тарас глуховат
И команду Грыцька не расслышал . . .
И потом уж Хома рассказал:
— Підкрутив панораму я мало,
Потягнув . . а вона як дала,
Та як раз-же-ж Грицька розірвало,
Загорілася почта, біда . . .
Козаки по бугру застріляли,
Я — тікай . . правый чобіт сгубив . . .
Став шукать . . . а мене й впіймали . . .

2.

Пять подвод полушубков одних
Казаки по жнивью насбирали,
Взяли пленными роту хохлов,
Комиссара в кустах зарубали,

Разогнали Ольховский совет,
Спирт нашли и немедля распили . . .
И, попа в половне отыскав,
О победе молебен служили . . .
В паутине, пыли и муке,
Под амбаром скрывавшийся пристав
Отряхнулся, напился чайку,
Арестовывать стал коммунистов.
Началось . . .
Через несколько дней
Казаки отступили в станицу
И решили окопы копать
По бугру — по казачьей границе.

3.

И дивизии с Волги пошли,
Разгружались в Поворино роты.
Офицеры российских полков —
Командирами красной пехоты.
О свободе оравший вчера,
Козырять переставший погону,
Поклонившися новым панам,
Двинул ванька к притихшему Дону.
Калужанин, москвич и пензяк —
Поднялася святая Россия,
Повалила галдящей толпой
На широкие степи Донские . . .
И Брусилов, сидевший в Москве,
И Деникин, приемыш Кубани, —
Вместе с карты воскресших степей
Вытравляли старинные грани . . .

4.

Генералы сбежались на Дон,
По России утерянной ныли . . .

И в незнаньи своем казаки
Палачей у себя откормили . . .
Благодарностью русской полны,
Старшине обещая награды,
Обманули они казаков,
Круг продали и предали Раду . . .
Злых деяний неслыханный счет
Завершая в крови и глумленьи,
Богоносный российский народ
Под частушки вершил преступленья.
И страдалица — вольная степь
От налета наносного хлама
Захлебнулась в казачьей крови
Под штыками российскаго хама . . .

Глава V

1.

Хорошо на копне зоревать . . .
Звуки ночи и нежны, и тонки . . .
. . . .
Да уж больно любитель брехать
Подхорунжий Евтихий Турченков.
Головни поправляя рукой,
Звезд падучих следя перелеты,
Говорит: „Выяжжаить Бронштейн
Перед строем латышской пехоты
И шумит: — Господа казаки,
По домам — не пужайтесь — яжжайте,
Но свяжите Турченкова. Мне,
В трибунал, под коммуну отдайте.
Между прочим — своротим ему
Мы за контрривалюцию вязы,
Потому — он ведет саботаж
Под рабоче-трудящую класу . . .

2.

Не стерпел я, ребята, в строю, —
К командиру свому под'яжжаю:
Так и так, господин есаул,
Я Бруништейну ответить желаю.
„Отвечай“, — говорит, — „не боись“ . . .
На стремянах чудок я поднялси —
Глядь, а Троцкий прижался к своим,
Увидал — подхорунжий, — спужалси . . .
Я шумлю: господа латыши,
По домам, не пылите, ступайте,
Но свяжите вы Троцкого. Мне,
Под мою под трибуну отдайтя,
Потому — он еврей и сямит,
Вместо Бога у них — Мирсильеза,
А не то — порублю ни на нет
И до ветру ни разу не слезу.

3.

Видит Троцкий, что миру не быть,
Закричал, замахал, заматилси . . .
— „Эй, в атаку, ребята, ура!“ —
Зашумел есаул и окстился . . .
Как зачали мы бить латышей, —
Что порубим, что вытопчут кони . . .
Заскакал я . . . а Троцкий бежит,
С ним две девки сидят в фаэтоне.
Надавил я за ним на коне . . .
Конь — змяя — призовик Королькова.
Зачинаю рубить — что за грех:
По грядушке рублю — и готово.
Вынимаю тогда ривольвер,
Смит-Вильсон, и стрелять зачинаю . . .
Я первейший по Дону стрелок —
Бью в упор — а яво не сгадаю . . .

4.

Как он, братцы мои, заюжить,
Да как плюнет коню под копыта . . .
Луп глазами . . . стою я в степи
И . . . стреляю в пустую корыту.
. . . Кабы он мне глаза не отвел,
Кабы я догадался окститься,
То пришлося бы с жизнью ему
От мово ривольвера проститься . . .
Огляделся Турченков кругом —
Есть не верят . . . такие бывают . . .
Все ученые, все молодежь,
А за шашку — и взяться не знают . . .
. . . .
Забелел недалекий рассвет.
— Эй, Назарыч, никак твой Гаврила.
Ворочаются трое назад,
А в дозор только двое ходило . . .

Глава VI

1.

Недоуздками глухо звеня
Кони сено жевали у фуры.
И Назарыч Петра угадал
По походке, по стройной фигуре.
Подошли . . . В полыхавшем огне
Хворостины сырые шипели,
И Гаврила с молчавшим Петром
У костра, пожимаясь, присели.
И чеканя, в предутренней мгле,
Потемневшие, хмурые лица,
Пламя яркие искры зажгло
У Назарыча в черных зеницах.

— Што . . . пымалси, вояка лихой!
Много-ль ванек собрал по России,
Много-ль с вами товарищей прет
На богатые пашни Донские? . .

2.

Поборовши волненье, Петро
Поднял тихо глаза голубые:
— Сам пришел я, когда услыхал,
Что стоят против нас Терновские.
За кого вы ведете войну.
Вам царей да помещиков надо.
Это вы растранжирили Дон
За бирюльки, чины и награды . . .
Обласкает Деникин старшин
В благодарность за ваши страданья,
А от дедовской воли у вас
На степи не останется званья . . .
Наказного пришлют из Москвы
Фон-барона Тамбовской станицы . . .
Что-ж. Целуйте баронский сапог —
Ваша служба ему пригодится . . .

3.

Побледневший Назарыч молчал, —
Просыпая табак из кисета,
Осторожно, дрожащей рукой,
Козью ножку крутил из газеты.
— Та-ак, Петруха . . . чего говорить,
Вас брехать на собак научили . . .
Ну, а вы-то от ваших жидов
Что в награду себе получили?
— Мы получим; Миронов сказал,
В совнаркоме когда заседали,
То республику вольную там
На Дону казакам обещали . . .

Заживем, как живали деды,
Без Москвы, без панов и указки
И из кровных своих казаков
Атамана посадим в Черкасске.

4.

Помолчали . . . Гаврила глядел,
Улыбаяся горько, на брата.
— Эх, Петро, коли правду сказать,
Нам ни наших, ни ваших не надо . . .
И Деникин, и Троцкий — одно.
Мы России нужны как солдаты . . .
И Краснов, и Деникин, и фон,
И барон, — все они — обманаты . . .
Атаманы в холопы ушли,
А Миронов — товарищам верит . . .
Помни — нашей, казачьей рукой,
Нашу волю Россия похерит.
За одно надо нам воевать:
За Присуд да за степь, за станицы.
Всех повыместь поганой метлой
Да посеять терны по границе . . .

Глава VII

1.

Боже Правый, все в руце твоей, —
И свобода, и жизни людские,
И несчастье отчизны моей,
И кровавые зори степные . . .
Боже правый, я беден и сир,
Но душою скорбящей убого
Я молюсь . . . пощади . . . пожалей . . .
Бурьяны поросли по дорогам . . .

Боже правый, пустые шляхи,
Городки, курени — погорели,
На могилах — упали кресты,
Над убитыми плачут мятели . . .
Боже, Боже, нет силы молчать . . .
Сердце слышит далекие стоны . . .

. . . .

Нет, не верю я в правду Твою,
Мне Твои непонятны законы . . .

2.

Проводили обратно Петра.
Хмуро было в душе у Гаврилы,
И Назарыча, дрогнув, рука
Уходящего сына окстила.
Пораздвинув кугу и камыш,
И Гаврил и Назарыч глядели,
Как мироновцы, встретив Петра,
На коней растреноженных сели . . .
И, в ладонях запрятав лицо,
Приваляся к одоньям спиною,
Долго, долго Назарыч молчал,
Захлебнувшись горячей слезою.
Скрылось солнце в задонскую синь,
Потемнели безбрежные дали;
Наклоняся к воде, камыши,
Перед сном шелестя, зашептали . . .

3.

Казаки, вы не знали, за что
Жгут враги хутора и станицы . . .
Смутно чувствуя правду, донцы
Не пошли за казачьи границы . . .
Помутились сердца и умы,
Заблудились в осважном тумане . . .

И Кулабухов — воли пророк —
Смерть приял за Кубань от Кубани . . .
Казаки. Видно злая судьба
Атаманов степных перебила . . .
Казаки. Вы своею рукой
Им копали сырые могилы . . .
Кто виновен, что крепче степей
Вы чужие погоны любили,
Кто виновен, что волю свою
Вы сознательно сами убили.

4.

Кто виновен, что в пьяном чаду
Мы махаем красивые речи,
Но пред каждым корнетом во фронт
Стать готовы при первой же встрече.
Кто виновен, что смерти в глаза
Мы не раз, не моргнувши, глядели,
Но сказать о желаньях своих
И о праве своем — не посмели.

. . . .

Все проходит . . . И наши часы
Сокращаются с каждым мгновеньем.
И десятки казачьих могил
Предадутся потомством забвенью . . .
Все проходит . . . но праведен Бог,
И я верю что эти деянья
Не закроют позором своим
Старой славы степное сиянье . . .

. . . .

Глава VIII

1.

Мягко ночь опустилась на степь,
Отгорели багрово зарницы,

И последний казачий разъезд
Отступил ввечеру из станицы . . .
Тихо . . . Тихо . . . Ни стонов, ни слез
Не слыхать в куренях опустелых . . .
Ветер, прячась пугливо в садах,
Пробежал меж кустов оробелых;
Сбились ветлы у самой воды,
Смолк давно за околицей топот,
И чуть слышно в сухом камыше
Прошуршал неразборчивый шопот . . .

. . . .

А на утро наверно придут,
Будут рыскать по целой станице,
Будут в небо и в Бога, и в мать,
В душу — радостно будут матиться.

2.

Разгуляется русская ширь,
Осквернит алтари и иконы . . .
От насилий, пожаров, крови
Русским духом запахнет по Дону . . .
Ночью, мнится, — казачьи дворы —
Ряд гробов у могилы разрытой . . .
Мнится, — выплакав слезы свои,
Пала Воля над Славой убитой . . .

. . . .

В курене, на краю, у прудов, —
Разговор заглушенный, негромкий.
Звонко шопот звенит в темноте:
Говорит подхорунжий Турченков.
Лишь цыгарка порой озарит
Загорелые, темные лица,
Да вздохнет в неизбывной тоске
Вольный ветер в пустынной станице.

3.

— Мне-то что, я на свете один,
Как пенек на непаханом поле . . .
Надоело мне, братцы мои,
Жить без роду, без племя и доли —
Я бабенку одну полюбил,
Беспременно хотел обвенчаться,
Между прочим, однако, узнал . . .
И — закаялся больше влюбляться . . .
Что касаемо Дону — нехай,
Кто охочий, идет отступает,
Я — останусь в станице своей —
Чай найдется, кто в земь закопает . . .
Затянулись . . .
                    Назарыч вздохнул.
— Слава батюшке Тихому Дону,
Ну, а мне от свово куреня
Уходить — нет такого резону.

4.

Баб с Андрюшкой забрал Атаман;
Может, выйдет Андрюшка-то в люди . . .
Он и мне и отцу обещал:
В заграницах про Дон не забудет.
Правду я говорю али нет?
Вздрогнул молча куривший Гаврила:
— Так, папаня, их Бог сбережет
И пошлет и терпенья, и силы.
Чем скитаться там, в людях чужих,
Под насмешку, под взгляд сожаленья, —
Напоследок схватиться с врагом
И не знать о позоре плененья.
Мы зарыли таланы свои,
Мы служили, просили и . . . пели . . .
Так умрем же за волю свою,
Коли жить для нее не умели . . .

Глава IX

1.

Утро ранние искры зажгло,
Полетели лучи золотые —
Озарили пустынную степь,
Курени обожгли терновские . . .

. . . .

Далеко, далеко на степи
Замаячили красных дозоры.
И Турченков, Назарыч, Гаврил
Осмотрели, проверив, затворы.
У канавы, за жидким плетнем,
Залегли, помолившися Богу.
Ближе . . . Ближе . . . Три роты идет
По степи, напрямик, без дороги.
— Гей, Назарыч, гляди, — не подгадь . . .
У Гаврилы ладони горели . . .
— Слышь, Турченков, — сычас садану —
Замоталси ванек на прицеле . . .

2.

Грянул залп, раскатился второй,
Пули песни короткие пели . . .
На примятой росистой траве
Пятна крови, дымясь, заалели . . .

. . . .

До полдня продержались донцы,
В полдень, охнув, Назарыч забился
И, раскинувши руки, хрипя,
У канавы ничком повалился . . .

. . . .

Закусивши до крови губу,
Расстрелял все патроны Гаврила . . .
И горячая пуля ему

У виска бескозырку пробила . . .

. . . .

И Турченков без промаху бил
Хладнокровно, по выбору, ловко . . .
Оставался последний патрон . . .
. . . Замолчала казачья винтовка.

3.

А под вечер Петро прискакал —
Повидаться с родными бы надо — . . .
Входит . . . пусто . . . разбитый курень . . .
Пулей сбитая — пала лампада . . .
Никого . . . выбегает во двор,
Звук шагов разбивается тупо . . .

. . . .

За базами наткнулся Петро
В темноте на застывшие трупы.
Сердце дрогнуло . . . Может ли быть? . .
В горле камнем рыдание стало . . .

. . . .

Солнце утренним, первым лучем
По Петровым кудрям заиграло . . .
Всю-то ночь просидел напролет . . .
Ни заплакать не мог, ни молиться . . .
Встал на утро . . . что пьяный . . . пошел . . .
Повстречал комиссара станицы.

4.

— Что, товарищ, гостинец видал . . .
Шашка, взмывши змеей, засверкала . . .
Тяжело в бархатистую пыль
Комиссарское тело упало.
И в налившихся кровью глазах
Загорелись безумья зарницы . . .

. . . Хорошо, заскочивши во двор,
С ошалевшей пехотой рубиться . . .

И подняли его на штыки,
Только шашка к руке прикипела . . .

Закопали в казачьей земле
Все четыре исколотых тела . . .

Измывались над трупами всласть,
Сапогами, прикладами били . . .

Восемнадцать побитых ваньков
С комиссаром отдельно зарыли.

Глава X

1.

Все, кажись . . .
Да, в двадцатом году
Загорелася ночью станица.
Вся сгорела. Теперь там колхоз,
Мужики начинают селиться . . .

2.

А Андрюшка?
Андрюшка ушел.
Он — студент . . . и мальчишка смышленый . . .
Бабы где . . .
Их могилы давно
Заровнялись над батюшкой Доном.

3.

. . . .
. . . .

В темноте, в полночи
На икону гляну,
Верю, верю, Боже,
Люди есть у нас . . .
Воскресает воля
Старых Атаманов,
Заалеет снова
На Дону лампас.
И тогда героям
Возглашая славу,
Мы слезой помянем
Удалых бойцов,
Мы любовь прославим,
Вспомним месть святую,
Отомстим за горе
Дедов и отцов . . .

. . . .

СТЕПАН.

Осенью ненастной листья опадают,
Осенью холодной дует ветер в щели,
Раннею зарею лужи замерзают,
Хлещет дождь со снегом в мрачные ущелья
И промозглый низко стелется туман . . .

. . . .

Осенью... в Требинье... умирал... Степан...

I

Я тропинкой горной меж камней шагаю —
Вечером дождливым навещу его . . .
— Доброго здоровья.
— Здравия желаю.
— Как дела, Егорыч.
— Что — уж . . . ничего!
И порозовеют дрогнувшие губы,
А огонь в зеницах светит и горит;
Комкая подушку под ладонью грубой,
Голосом спокойным тихо говорит . . .
Говорит без злобы, без тоски и боли,
Будто вспоминает о чужой беде . . .
— О себе, Сергеич, рассказать мне... что-ли,
Коли ты надумал
дольше . . .
посидеть?..
— Посижу, Егорыч.
— Посиди, коль можешь?..
Да . . . воспоминанья хороводом темным
Душу мне волнуют... мучат и тревожат...
Тяжело, родимый, помирать бездомным . . .

II

Мой курень в станице — первый жестью крытый,
На голландке черной — золотые львы . . .

Скот — до зорьки убран, вычищенный, сытый...
Полные амбары . . . полные хлевы . . .
Жинка на обзорьи рано уберется;
Сын, пополдневавши, едет борновать;
Пристяжные — змеи. В корень — иноходца.
Тройкой выезжали... Гикну — "Не подгадь" —
Загудит тачанка луговой дорогой —
Полыхнет у става уток и гусей . . .

. . . .

Для людского счастья много есть у Бога
Мягким бабьим летом золотистых дней!

Пала паутина ковылем созревшим,
В воздухе прохладном — ни пылинки нет . . .
Только гикнешь лихо, повстречавшись с пешим,
На траве росистой оставляя след . . .
Насыпал амбары . . . Сберегал копейку . . .
А в груди могучей — сердце, что кремень . . .
Эх, казачья доля, доля лиходейка, —
Туча грозовая в непогожий день.
Разве мог подумать, тарахтя по степи,
Что совиным летом горе налетит,
Что безмерной злобой дьявол нас ослепит
И хлеба сомнутся сотнями копыт.
В грязь падут колосья под лаптем без стона,
И что дрогнут братья с берегов Хопра,
Что сойдем бессильно пред врагами с Дона
И сгорят, что свечи, наши хутора . . .

III

В жизни моей нету подвигов и славы —
Я ведь неприметно на войне седел . . .
Сын — не воротился из победной лавы
И курень... под Пасху... от гранат сгорел.
А жену — в подводы красные угнали . . .
Говорил станишник, что ее нашли,

С выселок казачки Настю угадали, —
Труп был голым брошен... на шляху... в пыли...

. . . .

Я, конечно, что же ... подкреплялся водкой,
Да и здесь работал из последних сил ...
За долготерпенье Бог послал чахотку,
Ну, и Врангель тоже раной наградил ...
Рана поболела, а потом — открылась ...
Похудел что щепка ... есть туберкулез ...
Ты прости, Сергеич, может уморился,
Может надоело? так — спаси Христос
За твое вниманье... я ведь больше — к слову...
Ну, а на судьбишку — я не жалюсь, нет,
Знаешь сам, наверно, — каждого больного
Перед смертью тихий посещает свет ...

. . . .

Вот и мне хотелось рассказать немного
О моих тоскливо пролетевших днях,
Да перед отправкой в дальнюю дорогу
Стремянную выпить, что-ль, на последях!

Так-то вот, Сергеич, на душе-то пусто ...
Может быть и ты мне кой-что рассказал?
Выпей-ка — настойка ...
Закуси — капуста ...
Я хватил настойки, закусил капустой
И Степану молча долго руку жал.

. . . .

Вышел ...
Дует ветер ...
Дует прямо в очи ...
На воде иголки мастерит мороз.
Ох, темны в изгнаньи пасмурные ночи ...
От рассказа-ль — ветра-ль —
Полны очи слезы ...

IV

Нынче о Степане вовсе позабыли,
Да и я-то вспомнил как-то ненароком,
Вспомнил, как могилу мы Степану рыли —
Я... два турка старых... камень... не глубоко!

. . . .

Да и кто же нынче помнит о Степане...
Над притихшим Доном опустилась мгла...
Позабытой степи кровоточат раны
И давно там песня Воле замерла.

ИВАН и ФЕНЯ.

. . . .

Для кого, зачем? — Ей Богу,
Я не ведаю, не знаю —
Сердце вновь заговорило,
Снова песню я слагаю
Пропою о том, что вечно,
Что могучих всех сильнее,
Самих сказок что чудесней:
— О любви спою я песню.

I

Ветерок ковыль колышет,
Гонит листья над водою.
Далеко в станице слышно
Кочетов перед зарею.
Алой лентой тает небо,
Меркнут звезды, звезды гаснут.
Что, Иван, вздыхаешь тихо —
Или ждал ты понапрасну?
Али зорькой, утром рано
Не придет она в ливаду,
И не будет поцелуя
Ожиданию в награду?
Али резвыми ногами
Не порхнет по кочкам зыбким
И смущенно не подарит
Васильковою улыбкой?
Тихо . . . Тихо . . .
. . . Ой, ливады,
Ой, раины да ракиты,
Ой, вы, очи голубые,
Да горящие ланиты.
Тихо . . . Тихо . . .
Тень мелькает.

Ближе, ближе . . .
Феня! Феня! . .

. . . .

На востоке звезды гаснут.
От вербы упали тени . . .

. . . .

Разгорись степная зорька
Меж ливадами, лугами,
Озари шляхи и тропы
Искроцветными огнями,
Засияй в Господнем Мире.
Слышишь — гимн запели птицы?
Слышишь — гонят скот веселый
На толоку из станицы?
Синий дым давно поднялся
Из высоких труб столбами.
Загремели дружно бабы
По загнеткам рогачами.
Утро. Тухнут лампы кухонь.
Ободняло. Пали росы.
Косари пополдневали
И опять взялись за косы.

II

— „Что, гусей-то . . . а-ль не слышишь? . .
Покорми их . . .
Где ты? . .
Феня!“
— „Здеся, мама, подметаю —
Нанесли половы в сени . . . “
Ох, ты, женское лукавство.
Ложь — приправа бабьей крови.
Знаем, где ты пропадала, —
Дело вовсе не в полове.
Мать — старуха верит дочке,

Аль сама-то позабыла,
Как она в девичьи годы
Долги ночки проводила;
Не упомнить сладки речи,
Что тайком вела когда-то,
Как была на пляс и песни
И на шутки торовата...
Щеки алые потухли,
Пеленой закрылись очи,
Ломота в костях, суставах —
Ну, ни силушки, ни мочи.
И не вспомнит старым сердцем
О милом дружке, — Егоре...
Много слез пролито Доном,
Много вод уходит в море.
Феня... Феня...
Чем не имя?
Аль кому-нибудь не любо?
Али косы не до земи,
Аль не сладки алы губы?
Кабы эти чайки руки
Вас, читатель, обнимали,
Вы бы большего от Бога
Никогда не пожелали...
Лебединая походка,
Шейка — лентою обвита
Ну, да что за разговоры...
Раскрасавица — и квиты!

III

Ваня?..
Парень — загляденье.
Поступь... кудри... а румянец!
Да к тому еще — приказный,
Лейб-гвардеец — Атаманец!
Разве это не довольно?

Да! .. И сердце нашей Фени
Погрузилося в истоме
В сказку дивных сновидений?
Разве это не довольно
И для нас, читатель, с вами,
Коли сами мы родились,
Выростали казаками?
Если-ж вы из „православных“,
Так и быть, скажу по-свойски:
Чин приказный, чин важнейший
По всему Донскому Войску.
Много есть еще, конечно,
И иных высоких званий,
Да за ними и не гнался
Наш лихой приказный Ваня.

IV

Нет ни слов, ни сил, ни красок
Описать вам все детали,
Как Раздорсковы к Рябовым
Да сватов-то засылали,
Как сваты-то ночкой темной
От Рябовых ворочались,
Как все улицы плясали
И проулочки шатались.
Под турченковским овином
Полегли сваты костями
(Торопилися к Ивану
Напрямик пошли, задами).
А когда пришли к овину,
Три часа они кружили.
Заморилися, присели
И . . . остатнее допили.
А потом . . . играли песни
И мятелицу плясали.
Наплясались и в соломе

Сутки цельные проспали.

. . . .

Эх, сваты мои, сваточки,
Эх, ты белая головка,
Эх вы, яблочки мочены
Да настойка, да перцовка,
Вы одни всему виною,
А сваты-то не причинны:
Слишком крепки были вина,
Перелазы слишком длинны.

V

А когда к станичной церкви
Тройка Феню подкатила,
Свадьбы этакой, ей-Богу,
Не запомнят старожилы.
Вся станица загуляла,
Все вино тогда попили
И, хоть верьте, хоть не верьте,
Всех курят поперебили.
„По сабе“ пошли станицей . . .
Всяк гостей встречал, лелеял.
В этот год хлебов озимых
Так никто и не засеял.
Загуляли — и забыли.
Угощалися по-свойски.
Каб еще чудок гуляли,
Напоили бы все Войско!
Правда, после свадьбы этой
Так станицу и прозвали —
„На Успение венчали
До Введенья догуляли“.
Во-как в нашей то станице —
Не в пример которым прочим . . .

. . . .

Ну, да это только к слову —
Все станицы беспорочны!

VI

Говорить или не надо
Здесь о Крыме, о Босфоре,
О Степной Великой Буре,
О казачьем страшном горе . . .
Много будет песен спето,
Много книг о том напишут,
Но о всем десятой доли
Внуки наши не услышат.
Не услышат, не узнают
И понять то нас не смогут —
Слишком зла то много было,
Слишком горя было много.
Будто вихрь прошел по Дону.
Вымел, вычистил, развеял.
Будто Бог спешил разрушить,
Что ошибочно содеял.
В ночь сжигалися станицы,
В степи скот без корма падал.
И . . . за тысячи убитых
Возжигалися лампады.
Будто два стальных гиганта
В грудь земли когтями впились.
И поднялся дым пожарищ.
Реки кровью задымились.
А когда в Новороссийске
Кони брошенные ржали,
Мы, привыкшие к несчастьям,
Слезы тихо вытирали.
Ах! о конях пел я где-то . . .
Все равно, им вечна слава.
Над костями их, наверно,
Поросли степные травы.

Я в добро теперь не верю.
У меня одна примета:
Коль казак коня оставил,
Все молитвы без ответа.
Все надежды — понапрасну:
В конях — вся казачья сила,
Коли мы ее лишились,
Ожидает нас могила.
Запорожцы и Некрасов
Увели коней с собою,
Мы-ж поплакали над ними
И . . . оставили без боя . . .
Ну, да что там! Было дело.
Кто виновен — все узнаем,
А пока-что . . . чашу горя
Пьем, никак не допиваем.
Будто мало пить осталось,
Глядь — наполнилася снова.
Правда! Правда! Где-ты? Где-ты?
Кто придумал это слово?

VII

Я совсем разволновался,
Изменил начальной теме,
А, ведь, начал об Иване,
О любви, о милой Фене.
Что Иван?
                    Сломал тройчаки,
Из обломка пику сделал,
Подседлал свово гнедого,
Попрощался и . . . уехал . . .
Был в тифу, был дважды ранен,
Перенес и тиф и раны
И . . . попал он вместе с нами
С нами вместе . . .
                              На Балканы! . .

VIII

На высоком минарете
Ходит мулла и зевает.
Тень его по плоским кровлям
Темной птицей пролетает . . .
„Илль-Алла“ — несется в горы, —
„Илль-Алла“ — вторят ущелья,
„Илль-Алла“ — взыхают стены
Крепостной сторожки-кельи.
Что? ..
Рассказ средневековый
О турецких тюрьмах старых
И о пленниках казачьих
И о страже — янычарах? ..
Нет! Я снова об Иване.
Он теперь в Герцеговине, —
Тихой песней за работой
Вторит зову муэдзина.
Замерла муллы молитва.
Тень его сползла по крыше.

. . . .

Боже, Боже, что — молитву
Или песню Ты услышал?!.

IX

Между делом Ваня дома
Знал о дратве, коже, шиле
И они ему в изгнаньи
Службу верно сослужили.
Возле мечети, в лачужке
Чинит он турчанкам туфли.
Поседел, согнулся, высох.
Очи ясные потухли . . .

. . . .

Гложет мысль тоска-злодейка,
Весела-ль, здорова-ль Феня?
Эх, обнять бы крепко, крепко,
Пасть пред нею на колени.
Целовал бы долгу ночку,
Обнимал да гладил косы,
Да глядел бы в ясны очи,
Отвечая на расспросы.

. . . .

Годы счетом набегают.
И тоска-змея сельнее . . .
Что-то Феня, где-то Феня?
Что не пишет, что-то с нею?

X

Ты лети, письмо, голубкой
Через реки и долины,
Проплыви по океанам,
Обогни ты гор вершины,
Ты найди в стране далекой
Ваню с болью злой разлуки,
Ты ему, письмо, отдайся
В бело-сахарные руки.

. . . .

„Ты прости, голубчик Ваня:
Не моя вина, родимый . . .
В этот год, как в год венчанья,
Мы не сеяли озимых.
Телку волк зарезал ночью.
Лошадей воры угнали.
Кур, свиней солдаты съели.
И пахать не выезжали.
Комиссар с Москвы приехал.
Говорил о чем-то много.
И . . . курень то наш продали

Для уплаты продналога.
И пошли бы мы по-миру,
Да судьба нам улыбнулась —
Комиссару (звать Исаком)
Я на сходе приглянулась . . .
Ваня, Ваня, знаю . . . милый . . .
Прочитав, ты будешь плакать . . .
Я томилась . . . я молилась . . .
Я — венчалася с Исаком.

. . . .

Не с попом, а так, в совете —
Записали и готово . . .
Ваня, Ваня, ты поймешь ли?
Напиши ты мне хоть слово.
Десять лет ждала, родимый,
Извелась, истосковалась . . .
Не серчай, прости, любимый . . .
Что-же делать — не дождалась!“

XI

В иностранном Легионе
(Так в письме мне написали)
В перестрелке трех убили:
Двух арабов и . . . Ивана.

. . . .

Он, прочтя письмо, из дома
Никуда не показался,
Сел на поезд и уехал
И ни с кем не попрощался.
Мы-б о том и не узнали,
Если-б только возле трупа
Где то в Африке, не знаю,
Не нашелся снимок-группа.
А на снимке том — гвардеец
И отец его с женою . . .

А стоит с ней рядом Феня
Под венчальною фатою.
Угадали там Ивана.
Помолились, перекстили,
Без церковного обряда
В бурханах его зарыли . . .

. . . .

. . . .

Вот и все . . . и кончил песню,
Да не так как начиналась,
Что поделать — доля наша
Так над нами насмеялась.
Что поделать . . . все проходит,
Все покроется забвеньем.
И дела важнее наших
И . . . любовь Ивана к Фене.
Что поделать . . . Наши степи
Нечисть красная покрыла.
Да, когда-то были люди.
А теперь — одни могилы . . .

. . . .

Да, когда-то были люди.
Боже, Боже, тяжко, право,
Нам, бесславным их потомкам,
Говорить о ихней славе.
И болит душа в смятеньи —
Ведь могло-же быть иначе:
Вместо песен погребенья,
Праздник Радостной Удачи.
Нет, не можем, не достойны . . .
Пыль казачья, прах, изгои . . .
Были люди, были войны,
Но . . . убиты все герои . . .

. . . .

И теперь . . .
Поем мы песни
Да зовем . . . да ждем ответа . . .
А в степях . . . цветы повяли.
На Дону — героев нету.

ОГЛАВЛЕНИЕ.